

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-60-68

О языковой природе каламбурных афоризмов Э. Кроткого

Олег Евгеньевич Вороничев

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия, voonid@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – выявить лингвостилистические особенности юмористического идиостиля Э. Кроткого в жанре афоризма. Автор анализирует различные типы лексических доминант, представляющих собой организующие центры каламбурных афоризмов: полисемические, омонимические, паронимические, псевдоантонимические, псевдосинонимические. В статье рассматриваются различные способы авторского каламбурного преобразования фразеологизмов и прецедентных высказываний. На основе установления парадигматических отношений между лексическими единицами автор использует классификационный и статистический методы, прием трансформации как средства систематизации языкового материала.

Ключевые слова: Э. Кроткий, афоризм, каламбур, идиостиль, фразеологизм, полисемия, омонимия, паронимия, зевгма, хиазм

Для цитирования: Вороничев О. Е. О языковой природе каламбурных афоризмов Э. Кроткого // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 60–68. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-60-68.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

On the lingual nature of punning aphorisms by E. Krotky

Oleg E. Voronichev

Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University, Bryansk, Russia, voonid@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to reveal the linguistic and stylistic features of E. Krotky's humorous idiostyle in the aphorism genre. That includes different types of the lexical dominants, which are the organizing centers of the punning aphorisms: polysemic, homonymic, paronymic, pseudo-antonymous, and pseudo-synonymous. This paper studies various ways of the authorial punning transformation of phraseological units and precedent statements. Having established the paradigmatic relations between the lexical units, the author of this article uses the classification and statistical methods and the method of transformation as the means of systematizing the linguistic material.

Keywords: E. Krotky, aphorism, pun, idiostyle, phraseological unit, polysemy, homonymy, paronymy, zeugma, chiasm

For citation: Voronichev O. E. On the lingual nature of punning aphorisms by E. Krotky. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 60–68. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-60-68. (In Russ.).

Введение. Если за Дмитрием Минаевым, блиставшим каламбурами во второй половине XIX в., закрепился неофициальный почетный титул «короля каламбурной рифмы», то Эммануила Яковлевича Германа, более известного под псевдонимом *Эмиль Кроткий*, по праву можно назвать королем афоризма, непревзойденным классиком данного малоформатного жанра. Согласно нашим подсчетам, свыше половины (ок. 55 %) метких изречений в его творческом наследии имеют каламбурную основу, поскольку мы понимаем каламбур шире, чем «игра слов, основанная на

неоднозначности или близкочувии выражений» [Corbett 1971: 482], «продукт контекста, умышленно построенного таким образом, чтобы вызвать двусмысленность (ambiguity) и сделать невозможным выбор между значениями, оставив читателя или слушателя в бесконечном мерцании смыслов» [Attridge 1988: 141]. В нашем представлении, каламбур – «синкретичное явление экспрессивной речи, которое совмещает признаки фигуры и жанровой формы, охватывает множество неоднородных случаев речеупотребления и может быть выражено разнообразными стилистическими

приемами, основанными прежде всего на фоноассоциативном взаимодействии, контрастном сдвиге или совмещении экспрессивно-семантических полей оппозитивных лексических доминант (ЛСВ многозначных, омонимичных или паронимичных слов)¹. Наша точка зрения в известной степени сближается с широким пониманием данного феномена экспрессивной речи в работах Г. Ф. Рахимкуловой, определяющей каламбур как «понятие, которое объединяет различные виды игровых манипуляций со словом (словосочетанием, фразеологическим оборотом) в масштабах предложения, абзаца, иных единиц текста или же всего текста»².

Анализ. Наиболее частотной лексической основой каламбурных афоризмов Э. Кроткого выступает **многозначность**, и это вполне объективно: большинство общепотребительных слов в русском языке многозначно, что обусловлено действием закона экономии языковых средств в лексике: для нового плана содержания чаще всего используется «старый» план выражения, если входящее в жизнь и быт народа понятие, требующее обозначения словом, по каким-либо признакам сходно с хорошо известным, давно освоенным. Поэтому приоритет многозначности среди видов лексических основ каламбура еще не является приметой идиостиля писателя. Однако, поскольку в контексте остроумных изречений Э. Кроткого сталкиваются значения определенных типов, последние как сами по себе, так и в их соотношении уже вполне обоснованно можно считать идиостилевыми чертами. Как показывают наши наблюдения, в творческом наследии мастера лексическими доминантами афоризма выступают следующие типы внутрилексемных оппозиций (в порядке снижения частотности):

• **первичное, прямое и вторичное, переносное:**

И траве приходится *пробиваться*; Часы на цепочке, а время все же *убегает*; Она была *холодна*, как мороженое, и так же легко *таяла*, как оно; *Перья* у писателя были — ему не хватало *крыльев*; Виноват композитор, а *бьют* по клавишам; Книга так *захватила* его, что он *захватил* книгу; Не *преувеличивай!* Ты не микроскоп; Повар мыслит *порциями* и т. п.³;

• **общенародное (прямое или переносное) и специальное (терминологическое) значения:**

Не бойтесь этой гранаты: она *ручная*; В змеиной азбуке все звуки *шипящие*; Их *роман* был так короток, что правильной было бы называть его *новеллой*; Это была не пьеса, а оскорбление четырьмя *действиями*; Века были так себе, *средние*; Если у *юпитера* слишком много *спутников* — значит, в киностудии раздуты штаты.

В некоторых каламбурах с лексической основой данного типа ключевые слова имеют оттенок фразеологической связанности:

У него был грипп *с осложнением* на службе; Был так скромн, что стеснялся думать даже о небесных *телах*; Ответить ударом можно на каждый *удар*, кроме солнечного; Идеологических *ошибок* он уже не делал. С него хватало орфографических; Работа на футбольном *поле* к числу *полевых* работ не относится (здесь к оттенку фразеологической связанности добавляется оттенок окказиональной семантизации); В геометрии он был бы *тупым* углом;

• **узвальное и окказиональное (контекстуальное) значения:**

Он был *незлопамятен*: не помнил зла, которое причинял другим; *Многообещающий* человек. Много обещает, но ничего не исполняет; Абонент вел себя *вызывающе*, но телефонистка на вызовы не отвечала; Все блохи — *высочки*; *Малосольные* остроты; Городской ребенок. Из *четвероногих* видел только стул.

В афоризмах этого типа возможен оттенок буквализации фразеологизма:

Ледниковый период прошел. Наступил период холодильниковый; Услышав, что ее называют женщиной *бальзаковского* возраста, она нервно спрашивала: «А сколько лет этому самому Бальзаку?»;

• **свободное и фразеологически связанное значения:**

³ Здесь и далее афоризмы цит. по: *Кроткий Э.* Отрывки из ненаписанного. Л.: Художник РСФСР, 1966 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/ANEKDOTY/KROTKIJ/nenapisan-poe.txt> (дата обращения: 06.04.2020).

¹ *Вороничев О. Е.* Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГПУ, 2014. С. 465.

² *Рахимкулова Г. Ф.* Языковая игра в прозе Владимира Набокова (к проблеме игрового стиля): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д.: Ростовский государственный университет, 2004. С. 35.

Не расставался с книгой. Возьмет в библиотеке – и не вернет!; Прислуживаться к начальству? Нет уж, увольте... И его уволили; В его действиях не было никакой системы, кроме нервной; Все артерии у него были сонные; и т. п.;

• **свободное номинативное и синтаксически или конструктивно обусловленное значения:**

Быть *шляпой* можно и зимой, и летом; Человек с тонким обонянием. Едва взглянув на букет, определил: это *пахнет* полусотней; Все ее называли *свиньей*, но ели ее с удовольствием (с оттенком актуализации переносного сатирико-иронического значения слова *ели*);

• **денотативное, стилистически нейтральное (межстилевое) и коннотативное, стилистически маркированное (напр., разговорное, просторечное, высокое книжное) значения:**

Кучер был хорошо *подкован* в своем деле, чего нельзя было сказать о его лошади; Он хотел *развалиться* в кресле, но кресло его опередило: оно *развалилось*;

• **нарицательное (семантически определенное) и собственное (условное, в значительной степени десемантизированное):**

На Минеральных Водах он пил только кахетинское, а вернувшись, жаловался, что *воды* ему не помогли; Не всякая *кучка* могучая.

К афоризмам, построенным на приведенных выше внутрилексемных оппозициях, примыкают остроумные высказывания, основанные на **псевдоантонимии** и **псевдосинонимии**, в которых в конечном счете генератором каламбурного эффекта является та же многозначность, поскольку сталкиваются не столько прямые, сколько переносные значения оппозитивов, создавая тем самым перекрестное семантическое взаимодействие с прямыми. Афоризмы с псевдоантонимическими каламбурами встречаются примерно в два раза чаще псевдосинонимических и занимают второе место (после основанных на разнотипной многозначности) по частоте в произведениях Э. Кроткого. Это объясняется, на наш взгляд, той самой редкой способностью талантливого остроуслова заставить понятие светиться через противоречие, которое Гегель считал неотъемлемым признаком подлинного остроумия.

Примеры афоризмов, основанных на контекстуальной **псевдоантонимии**:

Она была *завита*, как овца, и так же *развита*; *Ученье – свет, неученых – тьма*; Даже о *плохих* людях надо писать *хорошие* рассказы; Актер *становится собой* только тогда, когда *изображает* другого; И *общая* кухня иногда *разоблачает*; И в *нелетную* погоду можно *вылететь* со службы; и т. п.

Как видим, часто афоризмы такого типа начинаются сочинительным союзом *и*, который Э. Кроткий использует скорее как сигнал диалога, указание на ответную реплику в виртуальной беседе с потенциальным читателем.

В отдельных псевдоантонимических афоризмах встречается оттенок паронимии (*Радиоприемник сближает нас с отдаленными странами и ссорит с ближайшими соседями*); оксюморона (*В программе концерта были исключительно новые «старые романсы»*) или буквализации фразеологизма (*Из него вышел толк. Осталась одна бестолочь; Девушка в безрукавке работала спустя рукава*). С оттенком буквализации фразеологизма может тесно переплетаться оттенок фразеологической связанности слова: *Всю жизнь провел в домах отдыха, – не успевал устывать*.

В редких случаях лексической основой каламбурности афоризма выступает **оказиональная антонимия**: *Артель выпускала небьющиеся футляры для ногтечисток и другие предметы широкого непотребления* (при одновременной трансформации фразеологизма путем замены компонента).

Приведем также характерные для идиостиля Э. Кроткого примеры афоризмов, основанных на контекстуальной **псевдосинонимии**:

Греби, но не загребай; *Опечатки вкрадываются, сюжеты крадутся*; Не всякий *безбожно* врущий – *атеист*; Долго ждал *признания*, но только к концу своей карьеры был *признан* бездарным; *Смотрят все, видят* немногие.

Псевдосинонимия может сочетаться с буквализацией фразеологизма – в широком значении последнего термина:

Самым *ярким зрелищем* в летнем театре был его *пожар*; *Младенец* улыбался так *кисло*, точно его нашли в *кислой капусте*; Не верил ни в *заочное* обучение, ни в *загробную* жизнь.

В некоторых случаях у Э. Кроткого происходит органическое слияние контекстуальной **псевдосинонимии** с **псевдоантонимией** в одной остроте:

Каждая его комедия была драмой для режиссера и трагедией для зрителя; Предпочитала живым цветам искусственные и находила это вполне естественным.

Лексическая омонимия вполне объективно — по ее соотношению с многозначностью в самом лексическом составе языка — выступает в качестве стилистической основы афоризмов Э. Кроткого гораздо реже в сравнении с полисемией, хотя каламбурный эффект при контекстном столкновении омонимов ощутим благодаря явному семантическому контрасту в значительно большей степени. При этом афоризмы, основанные на узуальной омонимии, закономерно встречаются примерно в два раза чаще, чем имеющие окказиональную омонимическую основу. Примеры с **узуальной омонимией**:

Такт необходим не только в музыке; Что сказать о браке? — Хорошую вещь браком не назовут; Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего двора; Не всякая испанка — Кармен. Иногда она просто грипп; Его заела не среда, а вся неделя в целом (с оттенками фразеологической связанности слова и буквализации фразеологизма).

Примеры с окказиональной омонимией:

Бесцветная личность: ничего индивидуального, кроме огорода; И на производстве можно дать обет *безбрачия*; Все говорили, что он не писатель, а «дерево». А дерево получало *полистную* оплату (с оттенком синтаксической обусловленности значения слова *дерево*).

Смежные с омонимией явления в творческом наследии Э. Кроткого выступают в качестве лексической основы каламбурного афоризма (в совокупности) в еще меньшей степени, чем собственно лексическая омонимия. Нами обнаружено всего несколько афоризмов такого типа, три из которых построены на **омофонии**: а) узуальной: *Он скажет «за» / И кается... Он постоянно / За-икается!*; б) окказиональной: *Дожил до внуков. Впал в «дедство»; Дуэт льстецов — Фим и Ам*; и один — на имплицитной **омографии**: *На пляже и герой в трусах* (ср.: *труссах*) ходит. Ни одной остроты, основанной на **омоформии**, в наиболее полном собрании афоризмов Э. Кроткого — «Отрывки из ненаписанного» — не найдено.

В качестве каламбурной основы афоризмов автор широко использует лексические единицы не только с тождественным планом выражения рассмотренных выше

типов, но и оппозиты со сходным планом выражения, прежде всего — **паронимы** (в узком значении термина: «...однокоренные (разрядка наша. — О. В.) слова, которые принадлежат одной части речи, имеют сходство в звучании (в связи с общим корнем или основой), но различаются своими значениями»⁴), а также примыкающие к ним **лексико-грамматические паронимы**, к которым мы относим созвучные, но различающиеся значениями или оттенками значений нетождественные грамматические формы одной или разных частей речи, и смежные с ними **парономазы** (разнокорневые подобозвучия).

Количество и частотность паронимических афоризмов (построенных только на узуальных оппозитах, окказиональных нами не обнаружено), в том числе лексико-грамматических, в произведениях Э. Кроткого в целом сопоставимо с количеством и частотностью острот, построенных на узуальной и окказиональной лексической паронимии, ср.:

а) афоризмы, построенные на **узуальной паронимии**:

Забывший писатель искал *забвения* в вине; *Осуждать* легче, чем *обсуждать*; Зав не искал *хороших* сотрудниц, — с него было достаточно *хорошеньких*; На скачках с *препятствиями* не требуют, чтобы лошадям не *препятствовали* скакать.

Из возможных дополнительных стилистических оттенков в паронимических афоризмах Э. Кроткого (основанных преимущественно на лексико-грамматической паронимии) чаще всего встречается оттенок фразеологической связанности:

Войдя в трамвай, он был *сжат* в предельно *сжатый* срок; Влюбленные вырезали на дереве столько пронзенных стрелами *сердец*, что дерево погибло от *сердечной* болезни (с оттенком фразеологической связанности последнего слова); Всегда *перестраховывался*, но ни разу не получил *страховой* премии;

б) афоризмы, основанные на **парономазии**:

— **узуальной эксплицитной**:

На всякого *заведующего* есть свой *завидующий*; Чем менее *искусен* укротитель, тем более он *искусан*; *Бытие* определяет сознание, *питие*

⁴ Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 326.

замутняет его; Классиков должно не только почитать, но и почитать; Нет морального облика без единого облака; О Гамлете: принципиальный принц;

– узуальной имплицитной:

К взяточникам он относился снисходительно – это были его коллеги по «беру»; Вылился в алкоголики; У него царственный вид: весь рот в коронках;

в) **оказиональной** (как правило, с имплицитным узуальным оппозитом, вполне прозрачным в контексте):

Сказочно плохая продукция: скатерть-саморванка; Поверхностный остролов, мастер неглубокого каламбурия; В некрологе была своя некрология; О заведующей ларьком: «Расхитительная женщина!»; В составе поезда был только вагон для некурящих. Вагона для негрубящих не было (с оттенком okazjiональной однокорневой антонимии).

Перу Э. Кроткого свойственны и однословные оригинальные юмористические образования, созданные на основе междусловного наложения, т. е. представляющие собой okazjiональные паронимазы с двумя производящими узуальными оппозициями: стихопромышленники, выговоронсеи, водописец, дома-недоскребы.

Изредка в пределах одной остроты встречается соседство okazjiонального паронимазы с узуальным эксплицитным оппозитом: Не мышеловка, а мужеловка – и органичное сочетание паронимии с паронимазией: Это была не жизнь, а будничное житье-питье.

Гораздо менее частотны в идиостиле Кроткого в сравнении с паронимическими и парониматическими афоризмы, основанные на эксплицитной или имплицитной однокорневой синонимии (Нагруженный корабль еле возвышается над водой, пустой – величественно высится над ней) и однокорневой антонимии (в том числе контекстуальной): Ум не дается им, авось заумь поможет.

В творческом наследии Э. Кроткого есть примеры афоризмов, построенных на контекстуальном взаимодействии форм одного и того же слова и поэтому опровергающих стереотипное мнение о неспособности таких оппозитов создавать каламбурный эффект, ср.: Вулкан может потухнуть, но его нельзя потушить; «Здесь жили»... «Здесь жили»... И никогда: «Здесь живет». Люди

внимательнее к жившим, чем к живущим; Он сидел в заднем углу и думал свои задние мысли (в последнем случае каламбурное созвучие грамматических форм усилено оттенком многозначности оппозитов).

Одна из главных особенностей идиостиля Э. Кроткого – преобладание в количественном и частотном отношении афоризмов, представляющих собой результаты оригинальной трансформации фразеологизмов и прецедентных высказываний (даже в сравнении с остротами, основанными на разнотипной многозначности, если такое сопоставление вообще корректно, поскольку трансформация идиом и прецедентов нередко обусловлена многозначностью компонентов). Опираясь на собственные наблюдения и классификацию стилистических вариантов авторского преобразования семантики и структуры фразеологизма Н. М. Шанского [Шанский 2010: 200–218], можно выделить в творческом наследии писателя-афориста следующие основные виды трансформации устойчивых сочетаний:

1. Контекстуальное изменение (буквализация) семантики (как правило, это омонимия фразеологизма и свободного словосочетания):

Мудрецы и зубные врачи смотрят в корень; Весна хоть кого с ума сведет. Лед – и тот тронулся; Родился в сорочке и ни разу с тех пор не менял ее; Маникюрша знала всю подноготную своих клиентов; Ему пришла в голову мысль, но, не застав никого, ушла; Улица была вымощена камнями преткновения; Трамвай представлял собой поле брани; Плох тот писатель, которому не верят на слово; Робинзон, у которого семь Пятниц на неделе; Не брал за горло никого, кроме бутылки.

В таких трансформантах, как правило, ощутимы различные экспрессивные оттенки, например: Руки мыл ежечасно и все же оставался нечист на руку (оттенок псевдоантонимии); В его присутствии невозможно было говорить без дураков (оттенок иронии); Гармонист о своем инструменте: «Мировая гармония!» (оттенок разговорности эпитета); Будь как солнце: уходя, гаси свет (оттенок веллеризма); На искусство он реагировал, но реакция всегда была кислая (оттенок терминологичности) и т. п.

Данный тип – бесспорный лидер среди разновидностей афоризмов Э. Кроткого – во многом близок к изречениям, построенным на столкновении свободного

и фразеологически связанного значений полисеманта. Различие в классификационных критериях (весьма условное) мы видим лишь в том, что в высказываниях, основанных на данном виде многозначности, отсутствует, неконкретен (вариативен) или имплицитен второй (и другие, если их выше двух) компонент фразеологической связки.

Буквализация семантики может быть относительно полной (см. примеры выше) и неполной, когда семантически преобразованное устойчивое выражение частично сохраняет прежнюю или обретает в контексте новую образность, как, например, в афоризмах:

Душа его так часто уходила в пятки, что они стали одухотворенными; Человек, знакомый со всеми играми, кроме игры ума; С Пегасом ему не везло: он ставил явно не на ту лошадь; Всю жизнь занимался лесозаготовками: искал сучки в глазах у ближних; Ходил на службу с портфелем, а говорил, что несет свой крест; Вышел в люди и не вернулся; и т. п.

Буквализация устойчивого сочетания в афоризмах Э. Кроткого иногда способна приобретать окказиональный (псевдоэтимологический) оттенок: *Отбивая головой мяч, не утверждай, что это умственный труд.*

Возможно и в какой-то мере «обратное» преобразование, которое можно было бы назвать **контекстуальной фразеологизацией** устойчивого (но не собственно фразеологического — в узком значении термина) сочетания:

Верх рассеянности: на *стук сердца* ответить «войдите»; И ослы *играют роль в музыке*; их кожу натягивают на барабан; В театре ему указывал его место капельдинер. В жизни этого никто не делал, и потому он всегда *был не на своем месте.*

Встречается органическое взаимодействие буквализации фразеологизма с многозначностью, основанной на столкновении прямого и переносного значений слова:

Звезды не нуждаются в том, чтобы их перевозили до небес; Дети — цветы жизни. Не давай им, однако, *распускаться*; *Брак по расчету* на скорый развод; Большой жаловался на *камни* в печени, и врач обещал, что он от недуга *не оставит камня на камне*; и т. п.

Такое же тесное взаимодействие возможно с псевдосинонимической и псевдоантонимической контекстуальной многозначностью:

Крохотному писателю поставили памятник из мраморной крошки; Перед тем как начать доклад, он протер пенсне, а потом стал втирать очки; Когда она заговаривала о черно-бурой лисе, муж смотрел на нее волком; Вечным пером писал недолговечные фельетоны; Посредственный учебник средней истории для высших учебных заведений; Она была тяжела на подъем, но легка на падение; Петух чувствовал, что его зажарят, и пел свою лебединую песню.

Среди разнообразных по семантико-стилистическим характеристикам афоризмов Кроткого, основанных на буквализации фразеологизма, особую группу составляют остроты аллегорического содержания, которые можно было бы назвать псевдозоологическими:

В яблоке завелся *червь сомнения*; Муха всегда *не в своей тарелке*, а в чужой; Селедка жаловалась, что люди ей *здорово насолили*; Еж хватался, что он *одет с иголки*; У мыши всегда *на сердце кошки скребут*; *Делать муху из слона* нерентабельно: слишком много отходов; и т. п.

2. Контекстуальное изменение состава (и, как следствие, семантики):

а) путем расширения:

Таланта у него, безусловно, *нельзя было отнять*: таланта у него не было; Починочная мастерская *чинила только препятствия* заказчикам; У электрической лампочки *жизнь всегда на волоске висит* (с частично сохраненной образностью); Она *содрала с него семь каракулевых шкурок*; *Всякий талант в конце концов зарываю*т в землю (с оттенком метонимии); Она *заговаривала* ему *вставные зубы*; Это был, так сказать, Цезарь *наизнанку*. Он *умел одновременно не делать несколько дел*;

б) путем сужения:

Понтий Пилат *мыл руки* не только перед едой; *Слово не воробей*, но и оно бывает сереньким (с оттенком метафорической многозначности последнего слова);

в) посредством замены компонента/ов:

При виде потока автомобилей лошадь махнула *хвостом* на свое будущее; Неудачливый беллетрист в отчаянии схватился за *заголовок* (также ощутима паронимазия с имплицитным *голову*); Беллетрист набил *ногу* на дорожных очерках;

Закон *всеобщего* тяготения к шаблону; О нем нельзя было сказать, что он живет чужим умом. Он жил своей *глупостью*; Это был человек *умный* на короткие дистанции; Дареному *автомобилю в кузов* не смотрят; Нашла коса на *парикмахера*; Слово – серебро, *зубы* – золото;

г) путем **кардинального преобразования лексико-грамматического состава при сохранении общего образа и/или содержания**:

Живопись не *каша* – ее и *маслом испортить* можно; *Вкрался* в литературу, как *опечатка*; Неудачливый романист *поник всеми главами* своего романа; О поэте Н.: «Бесцветен, как *воздух*, но менее *необходим*»; *Ответственность* подобна одежде: публично *снимать* ее с себя не следует; Ее *репутация* была солнцеподобна: на ней было много *пятен*.

3. Контаминация:

Из разговора о пьесе: *Гвоздь сезона*, а Островскому *в подметки не годится!* (с контекстуальным оттенком буквализации); Кузнец Вакула пользовался летательным аппаратом мощностью в одну *нечистую силу*; Лошадь *любила выпить и закусить удила*; Начитанный человек: Как?! Вы не читали твенсовской «*Хижины дяди Тома Сойера?*»; Великие *платят* за искусство *жизнью*, маленькие – *зарабатывают* им на *жизнь* (с оттенком контекстуальной антонимии).

Наряду с рассмотренными выше различными лексическими аттракциями (полисемической, омонимической, паронимической и т. д.) и различными приемами трансформации фразеологизмов как основными способами создания каламбурных афоризмов в творчестве Э. Кроткого, соотношением которых в наибольшей степени определяются особенности его идиостиля, конструктивной основой афористического каламбура могут служить зевгма и хиазм. При этом, как показывают наблюдения, Э. Кроткий отдает явное предпочтение каламбурной зевгме.

Зевгматические каламбурные афоризмы, которых в наследии писателя примерно вдвое больше, чем хиастических, как правило, основаны на неожиданном парадоксальном сочинительном соединении логически неоднородных членов предложения и одновременной актуализации прямого и переносного значений. Как следствие, сталкиваются разные семантические поля ключевых лексем из контекстуального окружения этих псевдооднородных слов-понятий:

Дружба и чай хороши, если они *горячие, крепкие и не слишком сладкие*; Пример *брал* с своего начальника, взятки – с подчиненных; В пьесе и в зале было много *пустых мест*; Негативы и таланты надо *проявлять*; Для историков и стариков *всё в прошлом*; *Малые формы*: скетч, юмореска, эпиграмма, микроинфаркт; и т. п.

В афоризмах этого типа на зевгму могут накладываться различные семантико-экспрессивные оттенки: *И голова, и пиджак у него были с чужого плеча* (оттенок буквализации фразеологизма); *Чебрец и мяту можно найти во всех хороших аптеках и плохих стихах* (оттенок окказиональной метафорической семантики слов *чебрец* и *мята*).

В некоторых случаях зевгма ощутима благодаря различиям в способах синтаксической связи псевдооднородных компонентов (как правило, управление сталкивается с примыканием):

Она *говорила* немного по-французски и очень много по телефону; Кто *работает на совесть*, а кто и на других заказчиков (последний афоризм основан на равносильной актуализации в выделенном сочетании узуального примыкания и окказионального имплицитного управления).

В **хиастических** афоризмах Э. Кроткого каламбурный эффект возникает при контекстуальном столкновении свободных словосочетаний и производных оппозигов (ср. *вкус хрена* и *хреновый вкус*, *новые русские бабки* и *бабки новых русских*), полученных в результате лексико-грамматической инверсии, трансформации и транспозиции элементов производящих конструкций. При этом, как правило, актуализируется, становясь рельефной, контекстуальная многозначность или омонимия ключевых слов:

Все *классики* были *современниками*, но не все *современники* будут *классиками*; У него была *хорошая* память на *плохое* и *плохая* – на *хорошее*; До *близких далеко*, до *далеких близко*, – вот и ходишь к *далеким*; Мы *убиваем время*, а *время убивает нас*; Плохо, если не о тебе *некому заботиться*. Еще хуже, если не о ком *заботиться* тебе; Его упрекали в том, что он не *связан с жизнью*. А *жизнь* не хотела с ним *связываться*; и т. п.

В отдельную группу каламбурных острот Э. Кроткого можно выделить афоризмы-веллеризмы, лексической основой которых выступает всё та же многозначность, актуализирующаяся в контексте, пояснительная часть которого неожиданно, анекдотически контрастно «дискредитирует» тезисную:

Автора настойчиво *вызывали*: публике хотелось посмотреть на человека, написавшего такую плохую пьесу; *Имя его не сходило с афиши*, где он неизменно фигурировал в числе «и др.»; Вот и *встретились!* — сказал машинист паровоза, врезавшись во встречный поезд; *Верхнее платье снимать обязательно* — сказал грабитель, снимая шубу с прохожего.

Несмотря на такое разнообразие каламбурных афоризмов, было бы ошибкой полагать, что в творческой лаборатории Э. Кроткого рождались только каламбуры. Они, как уже было отмечено нами в начале данной статьи, составляют около 55 % произведений писателя. Оставшиеся 45 % имеют другую стилистическую основу.

Чаще всего некаламбурные афоризмы Кроткого, обнаруживающие не только искрометное остроумие, но и острую наблюдательность автора в сочетании с тонким психологизмом, основаны на **сравнении** (преимущественно метафорическом):

Автомобили толпились у бензоколонки, как лошади у водооя; Она шипела на мужа, как газированная вода; На чужих похоронах мы волнуемся, как актер на репетиции; Походил на бомбу замедленного действия: взрыв его хохота раздавался через пять минут после того, как он услышал шутку; и др.

Второе место по частотности среди некаламбурных афоризмов Кроткого делят крылатые изречения, организующим стилистическим центром которых выступает:

— **парадокс** (основанный на антонимической антитезе):

Больше всего она опасалась, что муж заподозрит ее в верности; В гибели одуванчика его бессмертие; Жизнь и смерть ходят рядом, но ничего не знают друг о друге; Шутил, боясь быть серьезным. Смеялся, чтоб не зарыдать; Их брак прошел в хлопотах о разводе; и др.;

— **гипербола** (обычно ироническая):

Перерасход корма для Льва отнесли за счет жившего в его клетке Воробышка; В эту зиму мороженого на улицах было больше, чем снега; Когда его толкали в трамвае, ему казалось, что толчок этот отмечают все сейсмографы мира; и т. п.;

— **алогизм как литературный прием** (часто в сочетании с парадоксом):

Дерево было искалечено гвоздями, которыми к нему был прибит плакат: «Не калечьте деревья!»; Путешествовал по Крыму с путеводителем по Кавказу и удивлялся неточности

путеводителя; Вы подождите немного. Пятиминутка длится у нас не более сорока минут; и т. п.

Стилистической основой произведений мастера афоризма могут служить и другие экспрессивные средства языка с некаламбурной семантикой: **метафора** (*В школе жизни неуспевающих не оставляют на повторный курс*) и **метафорическая перифраза** (*Балет — это опера для глухих; Горячая и расчетливая, она была гибридом пожара с онетушителем; Дверь в редакцию была полуоткрыта, из нее выглядывало скучное «лицо журнала»*); **перифраза как пародия на «канцелярит»** (*Природа не удивляла его. Кустарник он рассматривал, как «кустовое объединение», листопад воспринимал, как «сокращение древесного листажа»*); **оксюморон** (*Это был, так сказать, снайпер непопадания*); **ироническая антитеза** (*Бездарность легче прощают человеку, чем талант; О присутствующих не говорят, об отсутствующих злословят*); **аллегория** (*Не повторяй своих острот: одним лезвием дважды не бреются; Величье не шумливо. Великий океан — в то же время и Тихий океан*); **аллегория в соединении со сравнением** (*Будь он географической картой, на нем было бы много белых пятен*); **псевдосентенция** (в стиле Козьмы Пруtkова): *Если дождь идет вопреки прогнозу Бюро погоды — не верь дождю.*

Выводы. Анализ афоризмов Э. Кроткого позволяет прийти к следующим общим выводам об особенностях идиостиля писателя:

— большинство афоризмов имеет каламбурную стилистическую основу;

— среди произведений, обнаруживающих лексическую основу каламбурности, объективно доминируют построенные на многозначности, из различных типов внутрилексемных оппозиций которых явно преобладают остроты, базирующиеся на контекстуальном столкновении прямого и переносного значений слова; на втором месте по частотности — псевдоантонимические афоризмы, что свидетельствует о постоянном стремлении к наиболее контрастному столкновению ключевых слов как яркой идиостилевой черте Кроткого;

— среди произведений, представляющих собой результаты разнообразной трансформации фразеологизма (в широком понимании этого термина) и превышающих в количественно-частотном отношении остроты с лексическим ядром каламбурности

в творческом наследии автора, значительно преобладают афоризмы, построенные на контекстуальном изменении (буквализации) семантики производящего устойчивого выражения, что в совокупности с разнообразными лексико-семантическими типами организующих центров острот обнаруживает главную идиостилевую черту писателя: построенные каламбурных афоризмов с опорой на взаимодействие семантических полей лексических и фразеологических единиц с тождественным или сходным планом выражения.

К сказанному можно добавить, что афоризмы Э. Кроткого отличаются подлинным остроумием, без флера пошлости и штампа. Вместе с тем, к сожалению, нет (и, видимо, объективно не может быть) какого-либо научно обоснованного и апробированного лингвометодического инструментария, с помощью которого можно было бы измерить эту подлинность (оригинальность мышления автора, яркость и силу воздействия его произведений и т. д.), поскольку это область субъективно-вкусовых оценок и предпочтений. Безусловно, у Э. Кроткого есть высказывания, которые могут быть усовершенствованы или творчески продолжены. Например, выделенную часть афоризма *Астроном делал карьеру, держась за хвост кометы* можно заменить на *поднимался по карьерной лестнице*, усилив таким образом буквализацию фразеологизма, только уже синонимического; афоризм *Пожарный всегда работает с огоньком*

можно продолжить в том же тематическом каламбурном русле *...и не понимает, почему дым отечества так сладок и приятен*, что могло бы усилить юмористический эффект. Однако у автора были свои субъективные причины выразить мысль именно так, и он имел на это полное право. А нам остается только тщательно изучать творческое наследие и секреты мастерства непревзойденного афориста и учиться у него этому мастерству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 5-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 272 с.
2. Attridge D. Unpacking the Portmanteau, or Who's Afraid of Finnegans Wake // *On Puns: The Foundation of Letters* / J. Culler (ed.). Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 140–155.
3. Corbett E. P. J. Classical rhetoric for the modern student. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 1971. 653 p.

REFERENCES

1. Shansky N. M. Phraseology of the modern Russian language. 5th ed. Moscow: LIBROKOM, 2010. 272 p. (In Russ.).
2. Attridge D. Unpacking the Portmanteau, or Who's Afraid of Finnegans Wake // *On Puns. The Foundation of Letters* / Jonathan Culler (ed.). New York: Basil Blackwell, 1988. P. 140–155. (In Engl.).
3. Corbett E. P. J. Classical rhetoric for the modern student. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 1971. 653 p. (In Engl.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Евгеньевич Вороничев, доктор филологических наук, доцент, кафедра теории и методики начального общего и музыкального образования, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Oleg E. Voronichev, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of the Chair of Theory and Methods of Primary General and Musical Education, Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University

Статья поступила в редакцию 10.04.2020; одобрена после рецензирования 22.04.2020; принята к публикации 05.05.2020.

The article was submitted 10.04.2020; approved after reviewing 22.04.2020; accepted for publication 05.05.2020.